

Ангел Богданович

**В области женского
вопроса**

Ангел Иванович Богданович

В области женского вопроса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824151

Аннотация

«Женский вопрос давно уже утратил ту остроту, с которой он трактовался некогда обими заинтересованными сторонами, но что он далеко не сошел со сцены, показывает художественная литература. В будничном строе жизни, когда час за часом уносит частицу бытия незамѣтно, но неумолимо и безвозвратно, мы какъ-то не видимъ за примелькавшимися явлениями, сколько въ нихъ таится страданія, которое поглощаетъ все лучшее, свѣтлое, жизнерадостное въ жизни цѣлой половины человѣческаго рода, и только художники отъ времени до времени вскрываютъ намъ тотъ или иной уголокъ женской души, чтобы показать, что не все здѣсь обстоитъ благополучно, что многое, сдѣланное и достигнутое въ этой области, далеко еще не рѣшаетъ вопроса, и женская личность еще не стоитъ на той высотѣ, которой она въ правѣ себѣ требовать, чтобы чувствовать себя не только женщиной, но и человѣческой личностью, прежде всего. Художественной литературѣ мы обязаны тѣмъ, что женский вопросъ, все разрастаясь и углубляясь, заставляетъ задумываться и равнодушныхъ къ нему зрителей...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

А. И. Богдановичъ

Въ области

женскаго вопроса

Женскій вопросъ давно уже утратилъ ту остроту, съ которой онъ трактовался нѣкогда обѣими заинтересованными сторонами, но что онъ далеко не сошелъ со сцены, показываетъ художественная литература. Въ будничномъ строѣ жизни, когда часъ за часомъ уноситъ частицу бытія незамѣтно, но неумолимо и безвозвратно, мы какъ-то не видимъ за примелькавшимися явленіями, сколько въ нихъ таится страданія, которое поглощаетъ все лучшее, свѣтлое, жизне-радостное въ жизни цѣлой половины человѣческаго рода, и только художники отъ времени до времени вскрываютъ намъ тотъ или иной уголокъ женской души, чтобы показать, что не все здѣсь обстоитъ благополучно, что многое, сдѣланное и достигнутое въ этой области, далеко еще не рѣшаетъ вопроса, и женская личность еще не стоитъ на той высотѣ, которой она въ правѣ себѣ требовать, чтобы чувствовать себя не только женщиной, но и человѣческой личностью, прежде всего. Художественной литературѣ мы обязаны тѣмъ, что женскій вопросъ, все разрастаясь и углубляясь, заставляетъ задумываться и равнодушныхъ къ нему зрителей, и участниковъ въ общей борьбѣ за лучшее будущее. Изъ цѣлаго ряда художе-

ственныхъ произведеній послѣдняго времени, затрогивающихъ женскій вопросъ, мы остановимся на нѣкоторыхъ, гдѣ онъ поставленъ въ болѣе чистомъ, непримѣсномъ видѣ и потому съ особою силою бьетъ по нервамъ.

Въ этомъ отношеніи безспорно на первомъ мѣстѣ мы должны поставить небольшой, но полный жгучаго страданія очеркъ, скорѣе даже бѣглый эскизъ, картинку, схваченную на лету, г. Вересаева. "Проѣздомъ" {"Образованіе", № 1.} – она такъ и называется, какъ бы съ цѣлью подчеркнуть, что предъ нами явленіе, примелькавшееся автору, какое мы можемъ наблюдать на каждомъ шагу, почему и не стоитъ его расписывать: достаточно его указать, и каждый самъ дополнитъ все недостающее въ картинѣ изъ личныхъ наблюдений.

Важно одно – дать главный пунктъ въ картинѣ, отмѣтить центральную точку, изъ которой исходятъ лучи, освѣщающіе и смысляющіе все остальное. И въ этомъ смыслѣ картина г. Вересаева вполне законченное произведеніе, представляющее цѣлую драму человѣческой жизни, одной изъ многихъ, можно не обинуясь сказать – безчисленныхъ жизней.

Даны два особо выпуклыхъ момента въ жизни женщины – сначала предъ нами "она" невѣстой, затѣмъ "она" женой и матерью. Въ противопоставленіи этихъ двухъ моментовъ и выясняется драма. Студентъ Ширяевъ и его невѣста Катерина Николаевна, оба сверкающіе всѣми красками молодого чувства и жизнерадостности, и докторъ со своей женой Марьей Сергѣевной, подавленные и отцвѣтшіе, какъ растенія,

которыхъ осенью хватилъ ранній морозъ. А между тѣмъ оба они еще молоды, но кажутся какъ бы не въ расцвѣтѣ силъ, а въ концѣ жизненнаго пути, когда тяжкіе итоги давятъ плечи и сгибають спину. Вначалѣ – поэзія, блескъ, игра бьющей черезъ край отъ полноты силъ души. Спустя десять лѣтъ вотъ какое настроеніе, вызывающее слѣдующіе разговоры.

– Скажи, пожалуйста, ты видѣлъ книгу... Какъ ее, Викторъ Михайловичъ? Да, "Проблемы идеализма"... Видѣлъ ее? – спросила Марья Сергѣевна доктора.

– Видѣлъ, – неохотно пробурчалъ докторъ.

– Удивительное дѣло! – нервно засмѣялась Марья Сергѣевна. – А я даже и не знала ничего, ничего даже и не слышала про нее.

– Кто же въ этомъ виноватъ? – докторъ пожалъ плечами.

– Вотъ и подумай, кто въ этомъ виноватъ... Отъ кого я что-нибудь могу услышать, кромѣ тебя? Весь день торчу въ кухнѣ и дѣтской, забочусь, чтобъ тебѣ обѣдъ былъ во время и чтобы дѣти тебѣ не мѣшали спать послѣ обѣда... Откуда же я могу узнать?

– Ну, пошло! – нахмурился докторъ и тяжело вздохнулъ.

– Да, пошло!.. "Общеніе", "совмѣстная духовная жизнь"... Какія красивыя слова, какъ пріятно употреблять ихъ въ умныхъ разговорахъ! Со стороны можно подумать, какой новый человѣкъ, съ какими новыми требованіями отъ брака! А на повѣрку выходитъ – обыкновенный мягкотѣлый интеллигентъ, нужно только все прежнее.

Она говорила нервнымъ, спѣшащимъ голосомъ, какъ-будто нарочно старалась не дать себѣ времени одуматься. Ширяеву было неловко. Въ глазахъ доктора загорался мрачный неврастеническій огонекъ, онъ тоже уже терялъ желаніе замять ссору и не дать ей разгорѣться хоть при чужомъ чловѣкѣ.

– Скажи, пожалуйста, причеь тутъ мягкотѣлость? – спросилъ онъ, враждебно глядя на жену.

– Нужно только все прежнее, – продолжала Марья Сергѣевна. – Чтобъ жена рожала дѣтей, заботилась о провизіи и о дровахъ и устраивала уютъ, а чтобъ самому спокойно пользоваться жизнью... Господи, настоящіе пауки, право. Прикинуть къ женщинѣ и сосуть, и высасываютъ умъ, запросы, всю духовную жизнь. И остается отъ чловѣка одна родильная машина".

Смущенный этими горькими рѣчами, студентъ Ширяевъ "смотрѣлъ на Марью Сергѣевну и думалъ: вѣдь, были же были у нея эти ясные, славные глаза, съ какими она снята на группѣ... Обманывала ли ими жизнь, какъ она обманываетъ людей мимолетною дѣвическою прелестью, или тутъ погубило то, что не могло и не должно было погубить? И почему тогда оно погубило такъ легко и такъ безвозвратно?"

И счастливый влюбленный студентъ, ругнувь про себя доктора "русакомъ проклятымъ", увѣренъ, что въ "ихъ жизни ничего подобнаго не повторится". "Люди ищутъ новаго счастья и ждуть, что къ нему притти также легко, какъ къ

старому; а жизнь и дремуча, и не раздвигается сама собой въ гладкую дорожку; кто хочет новыхъ путей, долженъ выходить не на прогулку, а на работу".

Такъ-же, какъ эта докторша, чахнетъ въ повѣсти г-жи Дмитріевой ("Руск. Бог.", январь-февраль) "Тучки" кончившая консерваторію, жена земскаго начальника "Барбарисыча", Евгенія Ивановна. Правда, ее хоть дѣти утѣшаютъ, но и она чувствуетъ, какъ жестоко дѣйствительность разошлась съ мечтами ея дѣвическихъ лѣтъ.

"— Вотъ, Дора, вы все гоните, гоните меня на сцену... Развѣ можно отъ нихъ (дѣтей) уйдти?"

Дора Яковлевна смутилась, покраснѣла и брови ея нахмурились.

— Я и не говорила никогда, что вамъ надо уйдти отъ нихъ, — рѣзко возразила она. — Развѣ артистка должна быть непремѣнно монахиней? Вотъ уже несогласна и несогласна! Это мужчины выдумали, что ужъ если женщина вышла замужъ, такъ и сиди на привязи у семейнаго очага, а сами то они преспокойно женятся и плодятъ дѣтей, да вѣдь не мѣшаетъ же имъ это быть и учеными, и писателями, и артистами, и... земскими начальниками! — неожиданно прибавила она и сама разсмѣялась.

Евгенія Ивановна тоже улыбнулась, но улыбка у нея вышла какая-то неловкая, точно ей совсѣмъ не было смѣшно и нужно было только показать, что смѣшно, и что она сама не прочь надъ собой посмѣяться.

– Вы еще совсѣмъ не понимаете жизни, Дора, – сказала она, поглядывая то на Дору, то на Надежду Григорьевну своими красивыми, немножко усталыми глазами. – Хотя вы обѣ и ученя дѣвицы, но ничего-ничего вы не понимаете. Ахъ, милыя мои, я тоже мечтала, когда мнѣ было 20 лѣтъ. Мы познакомились съ Борисомъ Борисычемъ въ вагонѣ желѣзной дороги... Я ѣхала въ консерваторію, а онъ въ университетъ. Ахъ, какъ мы хорошо говорили, если бы вы знали!.. Мы не спали вою ночь, и какіе были планы, какія мечты, какія огромныя дѣла мы хотѣли дѣлать!.. А вотъ прошло 10 лѣтъ... и Борисъ Борисычъ – земскій начальникъ, а я мать троихъ дѣтей... и только!.."

"Быть экономкой и нянькой – и больше ничего!.. Мать троихъ дѣтей – и только!" Эти и имъ подобныя жалобы, какъ заключительный аккордъ, звучать въ массѣ произведеній, посвященныхъ женской жизни не только въ русской литературѣ. Припомнимъ мать и сестру героини романа Елены Белау "Полуживотное", напр., гдѣ съ особой рѣзкостью и горечью авторъ подчеркиваетъ этотъ обидный конецъ женской жизни. Или въ романѣ "Сотрудница", гдѣ попытки жены стать товарищемъ мужа тоже кончаются неудачей.

Мы слышали эти жалобы столько разъ, что онѣ успѣли уже достаточно намъ наскучить, и уже не обращаемъ на нихъ вниманіе. Но въ послѣднее время начинаютъ звучать уже и новыя нотки, на которыхъ стоило бы остановиться.

Кто же виновать? Жизнь такъ устроена, говоритъ докторъ

въ очеркѣ г. Вересаева. Надо искать новыхъ путей, замѣчать про себя влюбленный студентъ. Какіе же эти пути? Намекъ на нихъ есть въ упомянутомъ романѣ Белау, въ которомъ Изольда не подчиняется общей дорогѣ для дѣвушекъ – выдти замужъ, рожать дѣтей – и только. Ей удается отводить себѣ свой уголокъ въ мірѣ искусства и она увлекается гордыми мечтами о самостоятельномъ творествѣ. Но ей помогло отчасти счастливое обстоятельство – неожиданное богатство, а также искра таланта, не давшая ей опошлѣть и опуститься. Авторъ, однако, не довель ея жизни до полного завершения и удовлетворенія, заставивъ ее трагически покончить съ жизнью, хотя и съ гордой надеждой, что въ конечномъ итогѣ побѣда останется на женщиной, которая сумеетъ сама проложить свою дорогу къ счастью.

Не у каждой, однако, обстоятельства такъ счастливо складываются, какъ у Изольды. И богатство, и талантъ – даръ случая, и не на нихъ можетъ строить женщина зданіе своего лучшаго будущаго, гдѣ бы ни материнство не становилось для нея проклятьемъ, ни замужество не преображало ихъ въ насѣдокъ и кухарокъ. Такой опорой можетъ служить только *личность*, разъ сознавшая себѣ цѣну и понявшая, что выше, важнѣе и цѣннѣе нѣтъ ничего на свѣтѣ. Такое пониманіе не дается разомъ, не можетъ быть вычитано хотя бы изъ самой умной книги, – оно является какъ результатъ долгой и упорной борьбы съ жизнью, съ самимъ собой, съ людьми. И понемногу это пониманіе себя, какъ самоцѣнной личности, про-

лагаеть себѣ дорогу въ жизни, хотя съ великими усиліями и огромной подчасъ болью.

Въ романѣ Ильзы Фрапанъ "Трудъ" мы видимъ такую-же болѣзненную и тяжкую дорогу въ борьбѣ за свою личность. Жизнь Іозефины Гейеръ сложилась вначалѣ по обычному порядку. Она замужемъ, мать четырехъ дѣтей и пока только жена и мать. Но вотъ раздражается надъ семьей громовой ударъ, въ видѣ преступленія, совершеннаго мужемъ, ударъ, разбивающій все. Обычный порядокъ готовъ придти на помощь со своими столь же обычными рецептами – скряться гдѣ-нибудь, въ тихій уголокъ, гдѣ можно укрыть отъ постороннихъ свой позоръ и свое горе, и тамъ тихо исчахнуть вдали отъ людей. Но въ эту-то минуту и просыпается въ Іозефинѣ нѣчто, что заставило ее всѣмъ существомъ противиться уговорамъ любящаго отца и сестеръ уѣхать, покинуть городъ и заняться всецѣло только воспитаніемъ дѣтей, всю себя и весь остатокъ еще не изжитыхъ силъ пожертвовать дѣтямъ и несчастному преступнику. Это "нѣчто" – пока еще полусознательное представленіе, что жизнь вовсе не заключается въ жертвѣ собою, что есть что-то болѣе цѣнное, хотя и неизмѣримо болѣе трудное, чѣмъ любая жертва. Это – борьба за свое человѣческое достоинство во имя неустаннаго совершенствованія себя и черезъ себя – всего, что со мною такъ или иначе связано и соприкасается. И Іозефина выходитъ на эту дорогу борьбы, тяжкую для всѣхъ, вдвойнѣ тяжелую для женщины вообще и въ ея положеніи въ особенно-

сти. Медленно и постепенно, путем тяжкаго личного опыта она добивается сравнительнаго благополучія, когда возвращеніе мужа чуть-было не губить всѣхъ результатовъ ея трудовой жизни. Но борьба не даромъ такъ тяжела вообще, — она закаляетъ людей, и тамъ, гдѣ другіе падаютъ, привычный къ борьбѣ можетъ устоять. И героиня въ концѣ концовъ сумѣла отстоять себя и увидѣть, что ея героическія усилія не пропали даромъ.

Мы не послѣдуемъ за нею далѣе, не въ ней дѣло, — мы хотѣли только отмѣтить новую постановку женскаго вопроса, этого кореннаго вопроса не только современности. Потому что, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о достойномъ существованіи цѣлой половины рода человѣческаго, онъ, какъ гири на ногахъ, будетъ мѣшать дальнѣйшему ходу впередъ. А рѣшить его можетъ только сама женщина, и никто ей въ этомъ помочь не въ силахъ.

Напрасно поэтому такъ раздражается жена доктора въ очеркѣ г. Вересаева. "Интеллигентъ мягкотѣлый", ругаетъ она своего мужа. "Присосутся къ женщинѣ, какъ пауки, и сосутъ, и высасываютъ умъ, запросы, всю духовную жизнь", — бросаетъ она беспощадное обвиненіе по адресу всѣхъ мужчинъ. Такъ ли, однако? Было ли что высасывать, эти самые запросы и духовная жизнь? А если и были, то почему же она позволила ихъ высосать? Глядя на ея дѣвичью карточку, снятую на голодѣ, гдѣ наша докторша славно поработала, и воспоминаніями о томъ времени молодить свою сѣрую жизнь, —

Ширяевъ тоже задается почти такимъ же вопросомъ: "вѣдь были же у нея эти ясные, славные глаза... Обманывала ли ими жизнь, или тутъ погибло то, что не могло и не должно было погнубнуть?" Можетъ быть, инымъ это покажется жестоко, но мы думаемъ, что не было, и что тутъ ничего въ сущности цѣннаго не погнубло. Были, пожалуй, мечты, превеличенная оцѣнка себя, столь свойственная молодости вообще, когда "міръ кажется тѣсенъ" и отъ накопившихся силъ кажется себѣ человѣкъ чуть не титаномъ. А только столкнулся съ горькой дѣйствительностью – и титанъ превратился въ самага обычнаго сѣраго нытика. Была, словомъ, обычная молодая иллюзія, но цѣннаго ядра, существа человѣческаго, гордой силы – не было.

Такъ-то оно такъ, въ правѣ возразить намъ, но, можетъ быть, она пожертвовала этими силами мужу, дѣтямъ. Ахъ, сколько разъ приходится и читать, и слышать походя про ту или иную "жертву" семейной жизни, и всякій разъ намъ хочется сказать въ отвѣтъ: "Да нужна ли еще была эта жертва?" И позвольте спросить – кому? Начнемъ хотя бы съ мужа, съ этого злого "паука", – что же, сладко ему живется? Онъ очень счастливымъ себя чувствуетъ оттого, что высосалъ запросы и все прочее? Отвѣтъ можетъ быть только отрицателенъ. Онъ-то больше всѣхъ, можетъ быть, несчастенъ, если только есть въ немъ хоть искра человѣчности и способности понимать чужія страданія. Разъ предъ нимъ жена-жертва, значить онъ – палачъ, а это во всякомъ случаѣ сознаніе не изъ пріятны-

хъ. Да и выслушивать такія признанія, какъ выше приведенныя, согласитесь – какое ужъ тутъ счастье? Выходить, стало быть, "пауку" жертва не доставила ни малѣйшаго счастья, а вѣрнѣе – наоборотъ: отравила жизнь въ конецъ. Остаются дѣти. Мать, жертвующая собою для дѣтей, это ли не священнѣйшее призваніе женщины? Жена доктора боится съ нянькой оставить дѣтей на ночь, сама съ ними спитъ, и потому всегда чувствуетъ себя не выспанной (этимъ отчасти объясняется ея дурное расположеніе). Очень прискорбное обстоятельство, за которымъ много-много другихъ, по мѣрѣ роста дѣтей, предвидится впереди, вплоть до унижительныхъ компромиссовъ съ честью и совѣстью, все ради дѣтей, какъ мы слышимъ сплошь и рядомъ въ жизни. Это ли не святыя жертвы? Нѣтъ, будь онѣ прокляты, и эти жертвы! – съ полнымъ правомъ могли бы отвѣтить дѣти. Да и отвѣчаютъ подчасъ, замѣтимъ въ скобкахъ. Принижая себя, свою личность, отказываясь ради дѣтей отъ своихъ правъ на полное и яркое существованіе, такія матери прежде всего губятъ своихъ дѣтей, которымъ онѣ создаютъ жизнь такую же нудную, сѣрую, никчемную, какъ и своя собственная, почему лучшія изъ дѣтей и начинаютъ самостоятельную жизнь съ разрыва съ своими "отцами", т. е. съ семьей. Все это настолько старья и печальныя истины, что развивать ихъ, надѣмся, нѣтъ надобности.

Жертва еще не оправданіе. А если это жертва своимъ человѣческимъ достоинствомъ, то и того хуже, – это уже от-

чужденіе. "Милости хочу, а не жертвы", давно это сказано, и не даромъ сказано. Потому что жертва убиваетъ жизнь, а только жизнь имѣетъ цѣну. И потому не жертвовать собой, своей личностью надо, а всегда быть самимъ собой. Вотъ тогда и скажется то, что было въ насъ и что не должно погибать. Конечно, на повѣрку очень часто оказывается, что ничего и не было въ душѣ, кромѣ иллюзій, а подчасъ и прямой дрянности, только прикрытой громкими словами, какъ, смѣемъ думать, и случилось съ несчастной женой нашего доктора или земской начальницей въ разсказѣ г-жи Дмитріевой. На голодѣ она чувствовала себя превосходно, въ воронежской библіотекѣ и того превосходнѣе. Почему? Потому что боролась, помогала, учила. Но что же ей помѣшало и дальше бороться? Мужъ и дѣти? Странно это слышать. Если велика была въ ней потребность борьбы, мужъ и дѣти только усилили бы эту потребность, послужили бы новымъ толчкомъ, новымъ стимуломъ для борьбы съ жизнью, съ тѣмъ же голодомъ, физическимъ и духовнымъ, съ тѣми условіями, которыя создаютъ этотъ голодъ. Но вышло совсѣмъ иное, и вмѣсто борца предъ нами кислая дама, изливающая свои "горя" передъ первымъ встрѣчнымъ, дама, какихъ тысячи. Всѣхъ ихъ въ сущности жаль, но и слезы, и жалобы ихъ – праздное занятіе. Отъ нихъ ни имъ, ни окружающимъ не становится легче. Только скучно и имъ самимъ, и съ ними.

Не знаемъ, обратили ли наши читатели вниманіе въ повѣсти г. Тана "За океаномъ" на поразительное различіе въ то-

мъ, какъ чувствуютъ себя въ Америкѣ переселившіяся туда интеллигентныя женщины и простыя русскія бабы. Первыя въ буквальный смыслъ изнывають въ тоскѣ и чахнуть отъ неумѣнья, куда имъ приложить свой силы. Въ нихъ развиваются нездоровые аппетиты, ихъ дразнить роскошная жизнь большихъ городовъ и онѣ незамѣтно для себя опускаются. Совсѣмъ иначе чувствуютъ и живутъ вторыя. Какъ-нибудь Авдотья или Оеня, у себя на родинѣ сознававшая себя развѣ на одну ступень выше домашняго животнаго, тутъ развертываются въ человѣка. Начинается это не только съ повышенія простыхъ житейскихъ потребностей, съ новыхъ привычекъ – лучше ѣсть, чище одѣваться и быть какъ "всѣ", но и сознательная человѣческая душа очень быстро оживаетъ. Подавленная у себя на родинѣ нуждой и приниженностью, душа женщины въ новыхъ условіяхъ быстрѣе, чѣмъ мужчины, подымается и крѣпнетъ, какъ растеніе, выбившееся изъ-подъ снѣга. Жена рабочаго Усольцева, врядъ ли мечтавшая дома о чемъ-либо, кромѣ того, какъ быть сытой и дѣтей накормить, здѣсь упрекаетъ мужа и его товарищей, почему они не устроятъ дежурствъ на островѣ, гдѣ временно задерживаются эмигранты, чтобы помогать пріѣзжимъ: "насъ люди тоже выручали!" Просыпается чувство товарищества, благожелательства и взаимной поддержки. Отчего же происходитъ это, что интеллигентная женщина, нѣкогда всю себя отдававшая голодающимъ, бібліотекамъ и прочимъ высокимъ предметамъ, – здѣсь превращается въ даму, мечтающую о тысячны-

хъ нарядахъ и со злостью протестующую, когда на одну доску ставятъ ее съ прислугой. "Нѣтъ, скажите пожалуйста! Почему она лѣзетъ ко мнѣ въ подруги? Я совсѣмъ иначе устроена. У меня другія потребности, другія мысли. Ей совсѣмъ не къ чему сидѣть со мною за однимъ столомъ". Вотъ какъ разсуждаетъ, можетъ быть, бывшая народница, во время оно кипѣвшая горячимъ желаніемъ "слиться съ народомъ", и не только кипѣвшая, а дѣйствительно приносившая все въ жертву ради этого сліянія. Въ жертвѣ – въ этомъ вся разгадка. Жертва – это своего рода гипнозъ, опьянѣніе, поднимающее ее до подвига, эту бѣдную русскую интеллигентную женщину. А здѣсь, въ Америкѣ не надо жертвы, никто ея не проситъ, да и не приметъ. Жизнь такъ устроена въ этомъ новомъ мірѣ, что каждому, если есть въ немъ силы, находится свое мѣсто и возможность развернуться, проявить себя, если только есть что проявить. Последнее – главное. Мы сильно сомнѣваемся, во что превратилась бы тамъ жена нашего доктора, – не стала ли бы она лѣтъ черезъ десять въ Америкѣ тоже жаловаться, что Америка у нея все "высосала, всѣ запросы, всю духовную жизнь".

И не она одна. Безконечной вереницей проходятъ онѣ, эти славныя русскія дѣвушки, которыя тысячами устремляются на голодъ, въ народныя бібліотеки, въ учительницы, въ сестры милосердія, словомъ, всюду, гдѣ нужда, мракъ, страданіе. Кажется, какая бездна силъ, сколько энергіи, чтобы весь міръ перевернуть. И потомъ – какое быстрое превращеніе въ мок-

рыхъ куриць, въ насѣдокъ и нервныхъ дамъ! Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься. Куда дѣвалось все старое, и откуда взялось это новое? И кто виноватъ въ неожиданномъ превращеніи? Прежде всего виноватъ "онъ", бывший герой, нѣкогда увлекавшій "ее" пылкими рѣчами.

Спору нѣтъ, "онъ" вообще тоже виноватъ, не меньше во всякомъ случаѣ, чѣмъ она, и г. Вересаевъ правдиво обнажаетъ намъ бывшаго героя, заставляя его дать такую реплику на упрекъ въ "высасываніи".

— Ты скажи мнѣ, при чемъ тутъ мягкотѣлость... Ну, укажи мнѣ,— вотъ я спрашиваю тебя, какъ иначе устроить нашу жизнь? Самъ я не могу заботиться объ обѣдѣ, потому что до обѣда мнѣ нужно принять сто человѣкъ больныхъ, послѣ обѣда мнѣ нужно поспать, а то я вечеромъ не въ состояніи буду ѣхать къ больному. Если я вздумаю слѣдить за дровами и провизіей, то не въ состояніи буду зарабатывать на дрова и провизію. Ребятъ мнѣ нянчить некогда... Въ чемъ же я могу тебя облегчить? Ну, скажи, укажи, въ чемъ?

— Вотъ, вотъ, это самое и выходитъ: будь экономкой и нянькой, и больше ничего! — засмѣялась Марья Сергѣевна.

— Это самое и выходитъ: будь экономкой и нянькой, — угрюмо вызывающе подтвердилъ докторъ. — Оно такъ въ дѣйствительности и есть въ каждой семьѣ, да и не можетъ быть иначе. Только интеллигентный человѣкъ стыдится этого и старается скрыть отъ постороннихъ, какъ какую-то тайную дурную болѣзнь. Почему же мнѣ этого прямо не при-

знать? Если люди женятся для бездѣтнаго разврата, то вопросъ, конечно, рѣшается легко; но тогда зачѣмъ жениться? А въ противномъ случаѣ женщина только и можетъ быть матерью и хозяйкой.

— Вотъ какъ! — протянула Марья Сергѣевна. — Я это отъ тебя въ первый разъ слышу.

— Да. И всѣ нынѣшнія... общественныя формы, что ли, таковы, что иначе и не можетъ быть. Мы теоретически выработали себѣ идеаль, который соотвѣтствуетъ совсѣмъ другому общественному строю, болѣе высокому, и идемъ съ этимъ идеаломъ въ настоящее, гдѣ онъ не примѣнимъ, и всѣ только мучаются, надсаживаются, проклинаяютъ свою жизнь".

Но довольно. Бѣдный докторъ виновень и не заслуживаетъ ни малѣйшаго снисхожденія. Тѣмъ не менѣе, да будетъ позволено часть вины, и очень значительную, перенести и на "нее". Какъ могло это случиться, что только теперь "она" услышала такое признаніе, что "женщина только и можетъ быть матерью и хозяйкой", т. е. "полуживотнымъ", по энергичному опредѣленію Елены Белау? А очень просто. — "Она" всю жизнь жила по чужой указкѣ, сама же ничего своего не вносила въ жизнь. Сначала эта указка заключалась въ "умной книгѣ", въ "новомъ направленіи", которому она беззавѣтно отдавалась. Непремѣнно беззавѣтно, т. е. безъ критики, безъ думы о томъ, насколько оно отвѣчаетъ ея личности, ея силамъ и запросамъ. Чужія мысли, чужія настроенія она принимала за свои, съ тѣмъ большей охотой, что это страшно об-

легчало жизнь. Вѣдь такъ трудно вырабатывать свое, отстаивать его и тѣмъ паче проводить на практикѣ. Затѣмъ выступаетъ въ роли руководителя и "учителя жизни" — онъ, самъ такой же несамостоятельный, весь изъ чужихъ мыслей и настроеній состряпанный, свято вѣрующій, какъ влюбленный студентъ Ширяевъ, что у "нихъ" все будетъ по иному. далѣе уже вмѣстѣ они отдаются безвольно теченію жизни, не замѣчая, какъ черезъ десять лѣтъ она — "только мать и хозяйка", а онъ — воль подъяремный. И тогда наступаетъ катастрофа.

А впрочемъ — никакой катастрофы не бываетъ. Ибо для катастрофы тоже сила нужна, оригинальность, нѣчто свое, т. е. именно то, чего въ нашихъ герояхъ и не было съ самаго начала; тѣмъ менѣе можно ихъ ожидать въ концѣ.

Гдѣ же выходъ? И есть ли онъ вообще? Или же женщинѣ только и остается ждать, что придетъ кто-то и все передѣлаетъ по-новому, по-хорошему? Нѣтъ, никто не придетъ, никто ничего не передѣлаетъ. Только она сама можетъ это сдѣлать.

Въ рассказѣ г-жи Шапирь "Дунечка" есть любопытный разговоръ, имѣющій прямое отношеніе къ нашей темѣ. Бдущая по дорогѣ съ Дунечкой, Юлинька, разбитая жизнью интеллигентная дѣвушка, направляющаяся въ глухой уголокъ Сибири учить дѣтей и тамъ сложить свою не нашедшую нигдѣ пристанища бѣдную голову, задаетъ Дунечкѣ вопросъ:

"— Вы развѣ замужъ вовсе не собираетесь? Зарокъ? — спросила она ласково.

Дунечка не сразу отвѣтила. Сняла свою шубку, шапочку и завернулась въ теплый платокъ.

– Коли я замужъ зря выскочу – ну, тогда, значить, душа коротка оказалась. Сборы только большіе.

– Это какъ же понимать надо – зря?.. Безъ любви, что ли?

Усмѣхнулась и снисходительно поглядѣла на барышню.

– Можно и по любви, да зря. Не изъ-за чего жизнь-то ломать. Развѣ для любви стоитъ ломать, что ужъ сдѣлано?.. Сколько труда, усилій... Надолго ея хватить, любви этой!

– Ну... разная тоже любовь бываетъ, это вы напрасно, – возразила Юлинька.

– Ничего не разная. У васъ это, у дворянъ, о любви невѣсть что воображаютъ... да чего только и не натерпятъ черезъ нее! Воображаютъ, будто она сильнѣе всего на свѣтѣ.

– Да вы, Дунечка, вѣрно и влюблены-то никогда еще не были?... Недосугъ... отъ большого прилежанія.

Дунечка нахмурилась и помолчала нѣсколько минутъ.

– Была, не безпокойтесь... Въ студента. Давно уже... гдѣ-то онъ теперь мыкается несчастный. Вотъ ужъ кому тоже нянька нужна, все равно какъ вамъ!..

– Отчего же такъ? – подсказала Юлія Николаевна.

– Выслали его тогда. Больной... за душой ни гроша... Ни-гдѣ ни души... Умеръ, должно быть. Да и лучше.

– Фу, что вы говорите! А еще любили!

Дунечка вспыхнула и насупилась.

– Потому и говорю, что жалко. Кромѣ мученья всякаго,

это́тъ чело́вѣкъ ниче́го для се́бя въ жи́зни не найдетъ. Горе́ его обойдетъ, такъ онъ и самъ въ догонку за нимъ пустится. Тутъ любви не любви – все одно.

– Вотъ что! Такихъ людей немало, Дунечка, для которыхъ жизнь мученье. Неужто всѣхъ ихъ въ гробъ заколотить?..

Дунечка сердито дергала бахрому сѣраго платка.

– Не понимаете, что я говорю... Странно даже!

– Понимаю, понимаю! Благополучные люди – прекрасные люди. А кто мучается, тотъ и другимъ жизнь портить... Зрѣлище непрятное! Не вы одна такъ думаете, Дунечка! Вамъ Богъ простить... совсѣмъ вы юная. Не потому, сколько лѣтъ, а всѣмъ... сырая вы еще совсѣмъ! Мнѣ оттого на васъ смотрѣть весело – весною вѣть. А только слушать васъ жутко подчасъ.

Дунечка, смущенная, силилась понять. Не первый разъ она такое слышитъ... Пусть хоть бы разъ одинъ чело́вѣкъ объяснилъ понятно: почему точно какъ *стыдно* быть счастливой? Коли ты всего сама добилась, повезло тебѣ, неужто это все равно, будто ты чужое отняла?!. Да съ какой же стати, Господи, кто это выдумываетъ?

Дунечка не могла успокоиться.

– Вотъ я васъ не понимаю... для чего въ дикую глушь пропадать тащитесь черезъ силу? Въ Сибирь...

– Тамъ у меня знакомые живутъ. Къ хорошимъ людямъ поближе.

– Да жизнь-то какая же тамъ съ вашимъ-то здоровьемъ?

Какъ ужъ тогда и жить, не понимаю. По моему, каждый человекъ долженъ все выше и выше карабкаться, коли силы хватаеть, — только это и жизнь. Тогда всѣмъ хорошо и будетъ, когда на худое никто соглашаться не захочеть, развѣ не правда?"

Такъ разсуждаетъ, главное, такъ чувствуетъ здоровая, непосредственная натура, родная сестра Өени, которая въ Америкѣ, встрѣтивъ подходящія условія, тоже карабкается выше, коли силы хватаеть, и не понимаетъ, чѣмъ такъ недовольны "барыни", пріѣхавшія изъ Россіи. Стремленіе карабкаться выше всегда идетъ рука объ руку съ стремленіемъ развить всѣ возможности, въ каждомъ изъ насъ заложенные, не подчиняясь и не поддаваясь слабости и безволю другого. Юлинька этого не понимаетъ, она бы пожалѣла бѣднаго студента и вмѣстѣ съ нимъ мыкалась бы въ погонѣ за горемъ, пока въ одинъ прескверный день не увидѣла бы, что жизнь его и ея ушла между рукъ. А то, можетъ быть, услышала бы, что женщина только и можетъ быть сидѣлкой, ибо таково ея назначеніе, и, услышавъ, возмутилась бы. Да поздно, жизни назадъ не воротишь.

Намъ кажется, поэтому, что не надо жертвовать своей личностью изъ жалости къ кому бы то ни было и къ чему бы то ни было. Эта фальшивая жертва. Человѣческая личность — такое высокое достояніе, что погубить ее въ себѣ — грѣхъ противъ Духа Святого. И не высокаго калибра та жалость, которая заставляетъ приносить подобныя жертвы. Въ

ней есть что-то унижительное для обѣихъ сторонъ. Не изъ жалости должна проистекать готовность давать нѣчто другимъ, а изъ непобѣдимаго внутренняго влеченія, несущаго въ себѣ самомъ удовлетвореніе. Женщинѣ столько натвердили про высокую роль какой-то всеобщей сестры милосердія, что изъ-за нея она проглядѣла высшее назначеніе человѣка – никогда и ни для чего не поступаться своимъ человѣческимъ достоинствомъ. Ей самой столько довелось изъ-за этого выстрадать, что если теперь она проявитъ немножко жестокости, то отъ этого мы всѣ будемъ въ выигрышѣ. Даже если она сама отъ этого будетъ страдать, потому что быть жестокимъ вовсе не сладко. Но "нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія, нѣтъ другой радости, кромѣ радости, рожденной страданіемъ". Это единственная радость, которой не стыдно, какъ смутно предчувствуетъ Дунечка, когда ее смущаетъ мысль о завоеванномъ собственными силами счастья.

Но не надо жертвовать и ради блага другихъ, тѣхъ, кому жертвы приносятся. Онѣ ихъ развращаютъ и дѣлаютъ безвольными и безсильными, пріучаютъ надѣяться на другихъ, а не на себя, поддерживаютъ обманъ, что кто-то другой можетъ дать мнѣ то, чего я самъ взять не въ силахъ. Это одна изъ самыхъ опасныхъ иллюзій, потому что она съ особой цѣпкостью держится за душу слабаго человѣка, который не можетъ собственными силами завоевать себѣ мѣсто въ жизни, и все ждетъ и надѣется, что кто-то придетъ и все устроить для него...

Главное, конечно, остается стремление впередь, къ совершенствованію жизни, въ неустанномъ желаніи "карабкаться" выше и выше, какъ выражается Дунечка, – подыматься надъ жизнью, не давая изъ себя "высасывать" запросы и духовную жизнь тому или иному "пауку". Въ этомъ и заключается борьба съ обычной пошлостью будничной жизни, гдѣ не приходится совершать подвиговъ, а вести стойкую и постоянную мелочную борьбу, не давая себя засосать всякому житейскому вздору. Вотъ тутъ-то и сказывается, есть ли дѣйствительно въ душѣ запросы, или былъ только юношескій самообманъ, переоцѣнка силъ, которыхъ въ нужный моментъ и не оказывается вовсе, какъ и бываетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ-слишкомъ часто. Самообманъ не можетъ вѣчно длиться, наступаетъ минута проясненія и тогда раздаются жалобы на "паука", на "среду" и прочія страшилища, не давшія расцвѣсть тѣмъ яко бы недюжиннымъ силамъ, которыя таились будто бы въ душѣ героини. И это, конечно, тоже иллюзія, съ которой особенно горько разставаться. Не этой ли горечью сознанія, что не "мягкотѣлый интеллигентъ", а собственная дряблость и "мягкотѣлость" повинны въ ничтожествѣ жизни, – и объясняется раздражительность нашей докторши? когда-то юношескій порывъ увлекъ ее на голодъ, кормить голодающихъ. Но собственный голодъ духовный она такъ и не сумѣла утолить. Конечно, то былъ прекрасный порывъ, доказавшій, что въ ней было когда-то живое зерно, но все-таки это былъ только порывъ. Долгаго твердаго напряженія во-

ли онъ не требоваль. Не то, что постоянно держать зажженнымъ свой "свѣтильникъ" и свѣтить себѣ и другимъ, – это, дѣйствительно, трудная задача. И когда такая подававшая во время оно надежды "докторша" начинаетъ изливаться на счетъ загубленной жизни, намъ всегда хочется отвѣтить ей: никто не виновать, кромѣ васъ самихъ. Что же помѣшало ей вовремя спохватиться, уйти отъ "мякотѣлаго интеллигента" и поискать иной дороги, иныхъ задачъ? Голодающихъ у насъ, слава Богу, нечего искать, и библіотеки не только въ Воронежѣ, если ужъ ничего другого ей не видится въ жизни. Но и оставаясь въ семьѣ, разъ ей дороги и мужъ, и дѣти, развѣ умная, энергичная, интеллигентная женщина, настоящій живой человѣкъ съ запросами и богатой духовной жизнью, допускать мерзость запустѣнія, уйдетъ въ пеленки, кухню, въ устройство "уютя" и только? Такая женщина слишкомъ ясно видитъ, что это не уютъ, не семья, а могила, гдѣ безвозвратно хоронятся лучшія силы, надежды, все, чѣмъ жизнь красна, и сумѣетъ охранить себя и дорогихъ ей лицъ отъ жалкой участи – быть заживо похороненными. Или семья удесятеритъ силы такой женщины, потому что въ кругѣ дорогихъ и любимыхъ лицъ она находитъ ежечасно новый источникъ для ума и души, или же она броситъ семью, если видитъ, что не можетъ дать ей счастья даже цѣною собственной гибели. А что счастья нѣтъ, это мы уже указывали. Такой выходъ – для всѣхъ спасеніе, и прежде всего для нея самой. Но прожить чуть не поль-жизни и только тогда спохватиться, что

душа опустошена и никому не легче отъ этого, — значить, что въ душѣ-то врядъ ли было что опустошать, и злобная ссылка на "паука" — просто одинъ отводъ глазъ, новый самообманъ, послѣдняя и самая жалкая иллюзія.

Тѣмъ и отличается современная постановка женскаго вопроса, что никто уже, кромѣ допотопныхъ ихтіозавровъ, не оспариваетъ правъ женщины на самостоятельное человѣческое существованіе. Эти права ею отвоеваны. Надо только умѣть ими пользоваться. И въ каждомъ конфликтѣ жизни, гдѣ приходятъ въ столкновенія права человѣка и обязанности жены и матери, женщина должна, не колеблясь, отстаивать прежде всего первыя. Прежде человѣкъ, а потомъ уже жена, потомъ уже мать, и никогда наоборотъ, — и потому такъ, что только женщина-человѣкъ въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи слова можетъ быть и истинной женой, и истинной матерью. Достаточно мы имѣемъ жень-кухарокъ и матерей-насъдокъ, и счастья онѣ еще никому не дали. Тогда и "мягкотѣлый интеллигентъ" пойметъ, что женщина можетъ быть не только хозяйкой и матерью, а еще кое-чѣмъ, весьма цѣннымъ въ семейномъ быту. Ему и въ голову не придетъ изрекать такія "истины" и недоумѣло вопрошать, какъ примѣнить къ жизни высшіе идеалы семейственности и общности. Потому и не придетъ, что ему прежде всего самому придется преобразиться изъ мягкотѣлаго тоже въ человѣка, иначе не видать ему ни жены, ни семьи. Тогда и дѣтямъ не придется начинать самостоятельную жизнь съ разры-

ва съ "отцами", потому что не будет такой пропасти между их идеалами и той семьей, какую устроить новая женщина.

Задача трудная, требующая долгой борьбы и многих страданий, но кто "ищет новых путей, должен выходить не на прогулку, а на работу" ...

Апрель 1904 г.